

рят нам, является утопией, наивным непониманием условий реальной жизни. Все снова повторяют классическое возражение: «Допустите ли вы, с вашим непотивлением, убить невинного? Позволите ли вы задушить слабого на ваших глазах, оставив его без защиты?». Сторонники движения могли бы ответить, что это возражение содержит тонкую логическую ошибку: тому, кто вступает в трансцендентный, сверхэмпирический план (отказ от самозащиты по религиозным мотивам), нельзя, не рискуя смирением планов, ответить указанием на возможность (убийство слабого, в результате отказа), которая относится к чисто человеческому и эмпирическому порядку: ставя себя своим отказом вне естественного порядка, непротивленец ожидает свыше сверхъестественного ответа, божественного вмешательства, которое взорвет узкие рамки человеческих возможностей; этот непротивленец имеет свою собственную логику, и было бы злоупотреблением соскальзывать с этой логики в логику эмпирическую. Вот то, что надлежит помнить, встречаясь с категорическими утверждениями деятелей Примирения. Их точка зрения хорошо выражена в следующих словах Бильтхофенского манифеста: «Мы верим, что сила, мудрость и любовь Божия безконечно превышают то, что мы видели до сих пор, и что Бог ожидает лишь случая вмешаться в жизнь людей по новым путям». 1)

Иеромонах Лев (Жилле).

ГЕРМАНСКИЕ ЭКОНОМИСТЫ О СУДЬБЕ КАПИТАЛИЗМА

Быть или не быть капитализму? — так формулировал Зомбарт в 1926 году на Вѣнском конгрессѣ германских экономистов свое отношение к современному экономическому дню. Год спустя, появился третий том его основного излѣдованія о капитализмѣ, в котором он впервые указал на структурныя измѣненія в капиталистической системѣ хозяйства. С тѣх пор проблема эволюціи капитализма и крушенія «свободнаго хозяйства» не переставала волновать академическій мір Германіи. Обсужденію этого вопроса были посвящены и слѣдующія конференціи германских экономистов в Цюрихѣ в 1928 году и в Кенигсбергѣ осенью 1930-го года.

При постановкѣ этой проблемы Зомбарт исходил из слѣдующих основных положеній. Индустриализація аграрных стран лишает капитализмъ промышленных стран естественной экспансіи для преодоленія диспропорціи между средствами потребления и производства, при-

1) Об этом Движеніи см. *L. Stevenson, Réconciliation, une internationale chrétienne*. Préface de *L. Ragaz*, Editions de «La Réconciliation», 38, avenue Jean-Jaurès, Pantin (Seine).

водя их к принудительной «реаграризации» и к поискам хозяйственного самодовления. Развитие молодого капитализма «двѣтнх» стран при одновременном усилении промышленнаго и регулятивнаго этатизма в средней Европѣ мѣняет удѣльный вѣкъ капитализма в системѣ мирового хозяйства. Положеніе промышленных стран становится критическим, так как высокая заработная плата, навязываемая профессиональными союзами, приводит к абсолютному и относительному пониженію накопленія прибавочной цѣнности, вызывая ослабленіе имперіализма и затрудняя приобрѣтеніе сырья. Капиталистическое хозяйство, лишившись своей либеральной основы—*laissez faire, laissez passer*—бюрократизируется, рационализируется и не знает «кризисов роста»; машинизация и механизация производственнаго процесса материализуют «объективный дух» человечества и революціонизируют технику. Капитализм «перезрѣлъ», вступил в послѣднюю стадію «поздняго» капитализма и начал свою эволюцію в сторону «организованнаго» хозяйственнаго строя в смыслѣ «связаннаго» хозяйства на частно-хозяйственной основѣ. Современная экономическая эпоха является закатом капитализма и зарей новой «плановой» эры...

Таким образом в новѣйших воззрѣніях Зомбарта, в его блестящем прогнозѣ дальнѣйшаго экономическаго развитія, мы видим утвержденіе двух основных моментов: наличія глубоких структурных измѣненій в капиталистической системѣ и быстрой смѣны «перезрѣваго» капитализма какой-то новой «связанной» системой хозяйства. Воззрѣнія Зомбарта подверглись всесторонней критикѣ со стороны виднѣйших германских экономистов, как на съѣздах, так и в печати. Дебатировался не только вопрос о неизбѣжности вращенія капитализма в плановую систему хозяйства, но и подробно обсуждались: темп его эволюціи, характер уже наступивших структурных измѣненій, рост государственнаго сектора и оптимальныя границы социальной политики в условіях эволюціонирующаго капитализма. Интересно отмѣтить, что всѣ авторитетные представители германской научной мысли, за исключеніем лишь трех извѣстных экономистов Адольфа Вебера, Мизеса и Пассова, возглавляющих современныя германскія либерализм, согласились с первым основным положеніем Зомбарта, что капитализм подвергся за послѣднее время глубоким структурным измѣненіям в сторону плановаго начала. Спор шел лишь о темпѣ его эволюціи и о дозѣ «соціалистической» прививки. В первую очередь предстояло рѣшить, в чем выражаются структурныя измѣненія в капитализмѣ, дающія право говорить о его эволюціи. Не ясен был характер того «плановаго» хозяйства, в сторону котораго эволюціонирует капиталистическая система. Возникал принципиальный вопрос о крушеніи капитализма. Вѣдь, если «связанное» хозяйство, в которое вращается капитализм, есть социализм, а капитализм может мыслиться лишь в своей «чистой» формѣ «свободнаго хозяйства» — как этому до сих пор учит либеральная доктрина, — то крушеніе капиталисти-

ческой системы будет неизбежным. Наконец, вопрос отождествления экономического либерализма со свободным хозяйством принял характер принципиального вопроса. Большое разногласие вызвало также второе основное утверждение Зомбарта о наступлении конечной, «поздней» фазы капитализма, свидетельствующей о быстротѣ его эволюции.

Вопросу о структурных изменениях в капитализмѣ, за послѣдние четыре года, германскими экономистами было удѣлено большое внимание. Капиталистическій «дух», который раньше включал в себя нѣкоторые иррациональные моменты, стал теперь, по мысли Зомбарта, исключительно рациональным. Бюрократизация предприятий и их синдикализация превращают предпринимателя с боевой натурой в компромиссную фигуру фабриканта-чиновника, не желающаго «рисковать» и предпочитающаго болѣе спокойное, хотя социальное и неустойчивое участие в концернах и синдикатах, стабилизирующих конъюнктуру. Фиксация дивидендов и накопление больших резервов за счет акционеров уменьшают интерес к финансированию предприятий. Превращение капиталистов в рантье, предпринимателей в капиталистов, отстраненных от руководства предприятиями; подчинение руководителей предприятий, в качествѣ агентов картелей и синдикатов, «среднему слою социально-экономической пирамиды» — в терминологии Мигерлиха — превращение рабочих в чиновников профессиональных союзов; частичное устранение «капиталистического риска» изучением конъюнктуры — все эти по существу «некапиталистические» моменты уничтожают предпринимателя-спекулянта и предпринимателя-«хозяина», подтачивая самую основу капитализма, смысл котораго заключается прежде всего в «предпринимательствѣ» и в «несении риска держанія». Проблема структурных изменений в социально-экономическом умонастроении капиталистических стран и в частности проблема бюрократизации предприятия и обезличенія товара нашли достаточное освѣщение в трудах Зомбарта, Шмаленбаха, Бонна, Зомари, Муса, Залина, Бентэ и мн. др. Кризис капиталистическаго «духа» сказывается еще и в цѣлом рядѣ других моментов, как то: поднятіе классового самосознанія трудящихся масс, стремление рабочих к «хозяйственной демократіи» (т. е. прежде всего к «конституціи» на фабрикѣ и к «парламентарной системѣ» в картелѣ), замѣна «хозяйственнаго пафоса» единоличника сознанием социальной взаимозависимости индивидов, возникновение понятія «социально-связанной» собственности, повсемѣстное увлечение этатизмом, популярность социально-экономических «цѣлостных идей» и проч. Все эти вопросы усердно разрабатывались германскими экономистами, среди которых назовем Мигерлиха, Нафтали, Фрида, Гейманна, Шпанна и мн. др.

Структурныя изменения в «духѣ» капитализма органически связаны со структурными изменениями и в организации труда. В передовых промышленных странах постепенно создаются экономическіе парламенты и комитеты по рационализации промышленности и нормали-

зации производства. Буржуазное государство вводит страхование от безработицы и «социальные тяготы», отвѣчающія социалистическому принципу права на труд. Всесильные рабочіе союзы стабилизируют заработную плату и навязывают через государство принудительные коллективные договоры. Принцип раздѣленія труда замѣняется принципом сложения труда. Государство нерѣдко вмѣшивается в установление заработной платы введеніем принудительных арбитражных судов и предписывает указыныя цѣны. Мощныя промышленныя объединения, выросшія из свободнаго хозяйства, но ставшія, благодаря своему «плановому» духу, «ступенью к социализации» — в терминологіи Эйленбурга, — в свою очередь нормируют цѣны и руководят техническим прогрессом. Зависимость рынка от промышленных объединеній и рабочих союзов, искусственно стабилизирующих цѣны и заработную плату в момент экономического кризиса, когда жизнь настоятельно требует радикальнаго пониженія общаго уровня цѣн, разрушает основной стержень капитализма — рыночную цѣну — и очистительные кризисы роста превращает в простые функциональные перебои. Перекапитализация предприятий в салу чрезмѣрной рационализации дѣлает амортизацию машин и уплату процентов по инвестированному в них капиталу с трудом возможными, да и то лишь при условіи искусственнаго повышенія цѣн на фабрикаты. Увеличеніе доли государства в народном доходѣ «экономизирует» финансовую политику буржуазнаго государства и превращает ее в конъюнктурную политику *sui generis*. Гетерогенія единичных хозяйств, отвѣчающая смыслу «свободнаго хозяйства», превращается в болѣе «связанную» взаимозависимость групп в видѣ промышленных объединеній и профессиональных организаций. Хозяйственный строй капиталистических стран принимает явно характер какой-то новой «связанной» и «организованной» экономической системы. На этих чрезвычайно важных структурных измѣненіях в капитализмъ подробно останавливаются всѣ авторитетные представители германской экономической мысли, в частности Зомбарт, Шпаян, Карл Манн, Флойгельс, Мигертих, Мус, Фрид, Шмагенбах и мн. др.

Техническая революція в промышленности и земледѣліи, выбра- сывающая армію безработных, — машинизация и механизация даже конторскаго труда (на которой подробно останавливается Отто Гуммель), тенденція к распредѣленію капитала по соображеніям не рентабельности, а безопасности принуждают современное государство не только брать на себя регулированіе технического прогресса, т. е. «рационализацию», но и регламентированіе всей кредитной системы — до контроля над банками включительно.

Означают ли однако эти глубокія структурныя измѣненія в капитализмѣ неизбежность его крушенія? — Большинство германских экономистов, придерживающихся теоріи эволюціи капитализма в сторону социальнаго связаннаго хозяйства на частнохозяйственной осно-

вѣ, отвѣчают на этот вопрос отрицательно. По их мнѣнію, мы переживаем сейчас крушеніе «свободнаго хозяйства» и закат «либеральной доктрины». Капитализм из своей первичной стадіи органическаго сліянія «экономическаго либерализма» с «экономическим макиавеллизмом», т. е. с эксплуатацией человѣка, «объекта хозяйства», человѣком, «субъектом хозяйства», — в терминологіи Шпанна и Зомбарта — переходит в свою новую фазу: діалектическаго сліянія «экономическаго либерализма» с «экономическим универсализмом» — в смыслъ гетерогеніи частнохозяйственныхъ групп и профессиональныхъ организаций, смягчаемой усиленіемъ промышленнаго и регулятивнаго этатизма. Такимъ образомъ капитализмъ, отрываясь от своей «ультралиберальной» основы, базирующей на формальной свободѣ, явно принимаетъ социальный и «связанный» характер. Все же необходимо признать, что вопросъ об эволюціи капитализма и темпѣ его структурныхъ измѣненій не нашелъ единодушнаго разрѣшенія. При единствѣ основныхъ общихъ выводовъ, нѣкоторые авторитетные экономисты — хотя бы въ лицѣ Мигерлиха и Нафтали — пошли дальше Зомбарта, утверждая, что «связанное хозяйство» уже выявилось, какъ самостоятельная экономическая система — вѣтъ всякаго капитализма. Другіе, напротивъ, считаютъ утвержденія Зомбарта о «лебединой пѣснѣ» капитализма и считаютъ теперешнюю стадію развитія хозяйства лишь «коллективной», «соціальной» или «умѣренной» фазой зрѣлаго капитализма. На этотъ путь встали такіе авторитетные ученые какъ Шпани, Мус и Манн. Сторонники теоріи медленной эволюціи капитализма — хотя бы въ лицѣ Гармса, Экерта и Залина — утверждали, что капитализмъ едва лишь достигъ своей зрѣлости и, имѣя для себя еще большія возможности в развитіи техники, в использованіи электрической энергіи, радио и разжиженнаго угля, приближается не къ моменту крушенія, а къ эрѣ величайшаго расцвѣта, несмотря на всѣ значительныя уступки «плановому началу», которыя присущи теперешней фазѣ капитализма. Правда, всѣ эти умѣренные эволюціонисты, и в частности Мус, не скрываютъ своей тревоги по поводу того, что охватываніе капитализмомъ народныхъ хозяйствъ докапиталистическихъ странъ развивается слишкомъ быстрымъ темпомъ; при этомъ вращаніе эволюционирующаго капитализма метрополіи в плановую систему хозяйства можетъ стать реальностью уже не в далекомъ будущемъ. Приблизительно той же точки зрѣнія придерживаются и неомарксисты, возглавляемые Штернбергомъ, для которыхъ капитализмъ не является логической категоріей. Наступленіе социализма рисуется имъ неизбѣжнымъ, такъ какъ капиталистическія народныя хозяйства могутъ существовать в міровомъ хозяйствѣ лишь до тѣхъ поръ, пока капитализмъ не сталъ универсальнымъ, т. е., не охватилъ всей міровой системы взаимодействующихъ народныхъ хозяйствъ. Нѣсколько «оптимистичнѣе» настроены Оппенгеймер и Нейссер, которые отрицаютъ неизбѣжность быстрой эволюціи капитализма в сторону социализма в томъ случаѣ, если государству удастся расши-

реніем етатизма поднять спрос на издѣлія частнохозяйственнаго сектора.

Таким образом, за исключеніем сторонников либеральной (вѣрнѣе, «макиавеллистической») доктрины, почти всѣ руководящіе германскіе экономисты, удѣлившіе много вниманія проблемѣ структурных измѣненій в капитализмѣ, — доказали наличие эволюціи капиталистической системы в сторону «связаннаго» хозяйства и крушенія либеральной экономики в смыслѣ «свободнаго хозяйства».

Б. Ижболдин.

ТРЕТЬЯ РОССИЯ.

Орган пореволюціоннаго синтеза № 1. Париж. 1932.

Появленіе «Третьей Россіи» можно только привѣтствовать. К счастью, «Третья Россія» по своему содержанию не напоминает «Третьяго царства» нѣмецких націонал-соціалистов. Молодой журнал энергично отмежевывается от всякаго фашизма и опредѣленно становится на сторону «недемократіи». Если в журналѣ есть что от духа фашизма, то это его тон: волевой, страстный, бодрый, иногда не только песуційся, но и заносчивый. Против всего этого ничего имѣть нельзя. Люди, вышедшіе из революціи, не могут, да, пожалуй, и не должны писать иначе.

Позиція журнала, и это отраднo, довольно сложна. Авторы знают, «что идеологія, преждевременно вынесенная на улицу, будет дискредитирована». Потому они далеки от эмигрантской игры в комсомол и от плакатнаго стиля младоросскаго мышленія. В этой серьезности чувствуется близость к Россіи. Этою же близостью объясняется и их демократизм. Против совѣтской власти они выдвигают прежде всего обвиненіе в расхищеніи человѣческой личности. «Нельзя создать новос, высшее общество, не создавая новаго, высшаго человѣка... Общество состоит из людей, а они (большевики) уродуют, кастрируют, морально убивают человѣка (стр. 10)... Нельзя увеличить сумму, сводя к нулю слагаемая, а они сводят человѣческую личность к нулю! «Как искренних демократов, нас, новгородцев, не может не радовать, что утвержденіе личности «Третья Россія» связывает с провозглашеніем таких старых требованій, как свобода совѣсти, слова, печати, собраній, союзов...» (стр. 25). Этим принципиальным утвержденіем вѣчных прав человѣка и гражданина «Третья Россія» выгодно отличается от других пореволюціонных теченій, начиная с евразійцев и кончая младороссами. Справедливость требует отмѣтить, что тѣ же ноты (хотя и не столь опредѣленныя), звучали и в «Утвержде-